

Владимир Тан-Богораз

Жертвы дракона

Глава 1

Юн Черный встал в полночь, когда другие спали. Было тихо, только река Дадана слабо шумела внизу под обрывом. Юн вытер росу со своего нагого тела, слегка потянулся, сдерживая дрожь, потом посмотрел на звезды. Звезды были благосклонны. На краю неба уже поднимался Охотник¹ в ярком Поясе из трех светлых Раковин и протягивал вперед свой остропламенный Дротик². Дикае Олени³, которые пасутся на берегах Песчаной Реки⁴, не пошевелились, и яркое око Отца⁵, вечно недвижимое в небе, мигало, как будто

¹ Орион.

² Альдебаран.

³ Кассиопея.

⁴ Млечный Путь.

⁵ Полярная звезда.

говорило: «Ищи».

Юн Черный опустил голову вниз и посмотрел на воинов. Их голые тела смутно белели в слабом свете звезд. Ночь была холодная, но перед крупной охотой или войной Анаки остерегались закапываться в листья или покрываться плащами из шкур. Они спали нагие, на голой земле, как змеи или как камни.

Перед этой охотой даже костров не зажигали. Анаки ждали оленей. Запах дыма мог бы заставить пугливое стадо свернуть в сторону. Уже девять дней Анаки сидели на берегу реки Даданы без огня и почти без пищи. Они даже говорили шепотом и в разговоре называли оленей уклончивым именем: — «Серые Лица», чтобы колдуны оленьего стада не услышали и не поняли.

Юн Черный пытливо смотрел на белые тела. Воины спали или притворялись спящими, ибо никто не должен был видеть, как он уходит. Юн Черный был колдун ночной, полусокрытый. В эту ночь он шел на борьбу с колдунами оленьего племени, и ему не нужно было ни друга, ни помощи.

Воины спали, старые и молодые. Юн узнавал знакомые фигуры. Вот Альф Быстроногий, Мар Красивый и Несс, друзья-соперники, Илл Бородатый, Лиас большой и много других. Они походили на белых тюленей, заснувших на песке.

Отроки спали отдельно от взрослых. Они еще не приняли обета посвящения и не прошли установленного искуса в роще терновой под хлесткими прутьями и потому не имели права спать рядом со взрослыми.

Кроме воинов и отроков, в лагере никого не было. Это была мужская орда. Племя Анаков делилось на две половины, мужскую и женскую. Они обитали отдельно весной и летом и сходились вместе только после великих охот на праздник осеннего солнца. Этот праздник был также праздником брачным. Там составлялись новые пары и начинались новые дети Анаковского племени. И через девять месяцев, весной, дети Анаков рождались на свет к новому теплу и изобилию пищи.

Юн Черный взял копьё, потом подобрал мешочек с красками и сошел к реке. Он три раза окунулся в свежие волны, совершая обряд очищения, вытер тело песком, стараясь скрестить свою кожу как можно сильнее. Тело его горело. Он поднялся обратно наверх, но не пошел на становище, а углубился в ивовые заросли, которыми были покрыты берега Даданы. Они сплетались стеной, густой и невысокой. Ему приходилось пробираться почти ползком, как пробирается лисица на охоте.

Постепенно кусты поредели; открылось

волнистое взгорье, пересеченное ущельями, поросшее лесами, смутно черневшими во мгле. Перед Юном была тропинка. Она пропадала и снова появлялась, раздвигала кусты и уходила в горы. Это была оленья тропа.

Олени каждую весну собирались стадами и спускались с гор на моховые пастбища у берегов океана. Они шли прямо, с юго-востока на северо-запад, и переплывали по дороге широкие реки. На реке Дадане у них были три битые тропы. Анаки сидели на средней тропе у Лысого Мыса. Они кололи оленей длинными копьями в волнах реки и в удачный год убивали тысячи.

Стада за стадами являлись в разное время. Сперва приходили матки с телятами, потом быки. Анаки находили такое разделение совершенно естественным. Они говорили, что олени живут раздельно и сходятся осенью справлять в дальних горах праздник осеннего солнца, и ставят колесо, и пляшут кругом вперемежку с женами, точь-в-точь как люди.

Юн Черный добрался до леса и остановился на опушке. Он встал на оленьей тропе, чтобы чарами привлечь запоздавшее стадо.

Прежде всего он решил испытать добрые чары и льстивые слова. Он вынул из мешка щепотку красной охры, смешанной с жиром, размял ее между пальцами и стал выводить на груди, животе

и на бедрах красные мирные знаки. Это были кисти рук с загнутыми пальцами, крючки с петлями. Юн повернулся боком так, чтобы эти крючки протягивались вперед, навстречу предполагаемым оленям.

— Мы ждем вас, серые друзья, — заговорил он самым убедительным тоном. — Придите. Мы снимем ваши шубы, и вы отдохнете. Мы вас согреем у теплого огня. Мы вам постелем мягкие шкуры...

Он замолк и остановился, прислушиваясь. Ничего не было слышно. Олени не являлись. Тогда он начал второе заклинание, более сильное, — брачное заклинание весенней охоты. Ибо охота на маток и телок весною считалась, как брак. Это была первая красная свадьба анакских охотников.

Юн говорил:

Жены олени, сдавайтесь.

Я внушаю вам страсть.

Пусть запах мой вас привлекает, как
мускус.

Пусть песня моя для вас будет, как ягель.

Спешите на пир...

Он делал зазывные жесты, кружился и прыгал, изображая брачную пляску Анаков. Эту пляску они плясали перед женами без копья и без всякого

оружия. Юн Черный перед весенней охотой плясал ее с копьем в руках.

Серые жены, сдавайтесь,
Мы возьмем вашу плоть...

— Пел Юн.

Он снова остановился и прислушался; потом встал на колени и припал ухом к земле. Земля молчала. Ни один звук не говорил о приближении желанного стада.

Черный Юн рассердился.

Он быстро стер со своего тела красные знаки привета, вынул кусок черного камня и стал проводить на груди грубые черты, прямые и кривые. Это были знаки войны и вызова. Они изображали открытые пасти, усеянные зигзагами зубов, прямые разящие копья, большие круглые глаза.

— Серые шкуры, — заговорил Юн, — идите биться. Волчья сыть, мы выпьем вашей крови...

Юн долго ждал и слушал, но олени не являлись.

— Мы выпьем вашей крови, — повторил Юн. Брюхо его сжалось от голода. Алчный рот стянулся, как будто от оскомины.

Тогда Черный Юн начал молиться богам. В своем полуночном коварстве он с тайным расчетом

помолился сперва солнцу, богу дневному и богу чужому и сказал ему так: «Красное Око, посмотри хорошенько, не найдешь ли ты этого стада. Я дам тебе жиру».

Солнце не отвечало.

Юн стал поминать всех богов и духов, которые ему приходили на ум: Речного Бога, трехпалого, с одним глазом; Горного Духа с гранитной головой, замурованного в утес. Он обратился даже к собственному брюху и сказал ему так: «Брюхо, запой, дай знак о приближающейся пище». Но брюхо молчало.

Только тогда Юн обратился к последнему богу, грозному богу Дракону, тому, кто поглощает солнце и извергает его обратно. То был его собственный бог, древний бог, малоизвестный людям, бог полуночи, таинственный, странный, лукавый.

Юн обратился к нему, полный трепета, и сказал ему так:

— О, Дракон, как ты поглощаешь солнце, дай мне поглотить этих оленей... Сделай хоть знак... Я дам тебе жертву.

Юн подождал.

— Телку молодую, лучшую из стада...

Бледное лицо луны поднималось с востока. Лицо луны было лицом Дракона. Оно смотрело на Юна и насмешливо улыбалось.

— Белую телку... — сказал Юн. Он сам не знал, что обещать больше. Белые телки были редки, иногда за всю охоту не попадалось ни одной.

Он замолчал и стоял, ожидая. Бледное лицо в небесах молчало и улыбалось.

Тогда Юн вспомнил о женской орде. Она стояла на реке Дадане, за полдня ходьбы вниз по течению. Там были матери с детьми, девушки, старухи. Обитая отдельно, они получали запасы от промысла мужчин. Во время оленьей охоты на реке Дадане они выезжали в широких ладьях и ловили туши, которые несло по течению. Мужчины брали себе только тех животных, которых прибывало к берегу тут же, на месте охоты.

Юн вспомнил женский лагерь, и сердце его сжалось. В женском лагере жила Юна, жена колдуна. Черный Юн сошелся с ней четыре года назад из-за сходства имен, а также из-за ее пушистых светлых кос. С тех пор они встречались каждую осень, не ища и не желая никого другого. В первую весну после их брака Юна принесла ребенка, мальчика. Юн видел его только по зимам. Он не знал даже его тайного имени, данного старухой-гадальщицей. В разговоре с Юной и вслух перед другими они называли его Мышонком. Но он думал о своем белом Мышонке в эти голодные вешние дни. И даже колдовством своим он привлекал мелкую добычу, куропаток и зайцев и

посылал их в женский лагерь, прямо к сыну.

Но в эту скупую, холодную полночь все колдовство его было бессильно. Безумный гнев охватил Юна, он заскакал на месте и закружился, как будто ужаленный осоею.

Сами собой к устам притекли богохульные слова:

— Божонки, нищие, дать вам нечего. Дух Лесной, и Дух Речной, и Дух Озерный, идите сюда. Я вас съем...

Раздался треск сучьев. Из-за толстого древесного ствола поднялось что-то большое, темное. Юн вздрогнул и смолк. Потом сделал движение, чтобы бежать, но остался на месте. Мохнатая черная грива, которая принесла ему прозвище Черного Юна, зашевелилась от страха на его голове.

В бледном свете месяца Юн увидел грузную черную фигуру. Она встала и выпрямилась. Она показалась ему неслыханно огромной. Вид ее был, как вид медведя, вставшего на дыбы. Дух Лесной во образе медвежьем явился на зов и приближался к дерзкому колдуну.

Юн стоял и ждал с тупым отчаянием в душе. Фигура подходила все ближе. Он слышал хруст веток под ее ногами и тяжелое дыхание.

И вдруг чувство неминуемой опасности выросло и заслонило в нем суеверный ужас. Он не

думал, но чувствовал: «Это — медведь, живой медведь».

Живой, настоящий медведь весной, пожалуй, опаснее, чем медвежий призрак. Он только что вышел из зимней берлоги, тощий, злой и растрепанный. После зимнего поста он голоден, но найти весной еду трудно. Поэтому весной медведь опаснее, чем летом.

«Он сейчас на меня бросится», — чувствовал Юн.

Он выставил вперед правую ногу, упер перед нею в землю ясеневое древко своего длинного копья, подставил навстречу медведю костяное острие и ждал, что будет.

Медведь уже обдавал его своим горячим дыханием. Юн глянул на него, и ему показалось, что, несмотря на близость, черное чудовище сделалось как будто меньше.

Страх Юна сменился яростью.

«Твоя погибель или моя, — подумал он, стискивая зубы. — Медведь ты или дух...»

И вдруг, в самую решительную минуту, когда копьё Юна уже касалось мохнатой груди чудовища, случилось что-то неожиданное, почти невероятное. Темная фигура быстро опустилась на землю и мягко, без всякого шума скользнула в сторону. И почти тотчас же налево от тропинки послышались звуки борьбы, странные храп и движения грузных

тел.

«Олени», — подумал Юн. Он узнал бы этот храп из тысячи других.

Шум продолжался. Слышался частый стук, как будто кто колотил по дереву палкой. Это умирающий олень трепетал в агонии и бился копытами о молодые стволы. Вместе со стуком раздалось чавканье. Был ли это зверь или дух, но он был голоден и стал пожирать добычу еще заживо.

Все мысли Юна перепутались.

«Стало быть, это медведь, — подумал он с облегчением. — И олени пришли. Кто их прислал, какой бог?»

Бледное лицо луны заглянуло ему в глаза и улыбнулось насмешливо.

«Ага, ты... — подумал Юн. — Спасибо».

Медведь продолжал чавкать под деревом. Все существо Юна зажглось от радостного голода и хищной жажды убийства.

Еще минута, и он двинулся бы к дереву отнимать у медведя горячее, истерзанное мясо.

Внезапно с левой стороны послышалось хорканье, странное, тревожное, похожее на скрип сырого дерева и на плач ребенка.

«Теленок плачет... — подумал Юн. — Матку зовет...»

Он весь согнулся, сжал копыте и быстрыми шагами стал пробираться на голос.

Хорканье повторилось левее, потом еще левее. Теленок не хотел уходить и описывал широкую дугу вокруг медведя и матери. Юн осторожно крался вперед. Глаза его горели, как у волка, ноги ступали бесшумно, как будто на пружинах.

Теленок опять хоркнул, и Юн увидел его. В свете луны он перебежал тропинку. Осторожность Юна была излишняя. Теленок был маленький, глупый. Он бежал вперед нетвердой рысцой, колеблясь между двумя инстинктами и двумя запахами. Один был знакомый запах матери; другой запах был крепкий и темный и внушал ему ужас, хотя он еще не понимал, что это было.

Юн выждал минуту и твердой рукой пустил копьё. Длинное костяное острие, острое, как шило, вонзилось теленку в брюхо и вышло наружу с другой стороны.

Теленок сделал скачок в сторону, задел ногами за древко копья, споткнулся, упал, хотел встать и не мог. Юн в два прыжка перескочил пространство, отделявшее его от добычи. Он придавил теленка коленом, потом, видя что тот не перестает биться, достал из своего поясного мешка острый кремневый нож в чехле из дерева, искусно выдолбленном, и перерезал теленку горло. Он припал к ране воспаленными губами и стал тянуть сладкую, теплую кровь, и это освежило его. После

того он поднял маленькую тушу и вскинул ее себе на плечи.

«Матка с теленком, — думал он. — Матки идут».

Оленье тело на его плечах было гибкое, теплое, как тело ребенка, и он вспомнил в этой связи своего белого Мышонка, который в это самое время, может быть, умирал с голоду в женском лагере.

Юн подхватил свое копье и быстрыми шагами направился на запад, слегка отклоняясь вправо к реке. Он не думал о медведе, который остался сзади и пожирал добычу, не думал также о становище своих братьев-охотников. Он направлялся к женскому стойбищу отнести своему голодному сыну первую добычу этой весны.

Глава 2

Женский лагерь помещался в лесистой лощине, доходившей до самого берега. Он не был похож на становище мужчин. В разных концах горели костры перед навесами, сплетенными из ветвей и поставленными так, чтобы давать защиту от ветра. Малые дети не могли оставаться без огня и без крова.

Женщины вообще работали больше мужчин, и работы их были разнообразнее. Они плели корзины

из прутьев, лепили горшки из глины, шили детям платье из шкур и варили для них пищу у огня. Детские зубки нуждались в мягкой пище. Мужчины, напротив, презирали все эти ремесла и удобства. Пищу свою они жарили на камнях или пекли на углях. Многие части мяса, хрящи, потроха они потребляли сырыми. Иные воины давали обет есть всю жизнь только сырое. Это считалось признаком мужества и закаленности. Занимались мужчины только войной и охотой. В остальное время они приводили в готовность свое боевое оружие или попросту спали, все равно — днем или ночью.

Весенний голод был для женского лагеря тяжелее, чем для мужского. Дети вообще были хлипкие, податливые к смерти. Они мерли, как мухи, зимой от холода, а весной от голода. Женщины, кроме того, умели добывать пищу хуже мужчин. Они собирали съедобные корни и серых червей, ловили куропаток петлями. Но именно в это голодное время корни были жестки, а куропатки редки.

Женщины выражали голод иначе, чем мужчины. Мужчины терпели молча, жаловаться считалось ниже их достоинства. Женщины кричали и бранились друг с другом и с собственными детьми. Иные пели, другие плакали, третьи вспоминали отсутствующих друзей, хотя это и

считалось нарушением приличий. Особенно круто приходилось многодетным, но их было немного. Матери обычно кормили детей до пятилетнего возраста, рождения разделялись большими промежутками, и семьи были немногочисленны.

Всех круче приходилось Майре Глиняной, прозванной так за бескровный цвет лица. У нее была двойня, два шустрых мальчика по пятой зиме. Одного звали Антек, другого Лиас. Отцом Лиаса считался Лиас Большой из мужского лагеря, но он наотрез отказался от другого младенца, и после этого на праздниках любви уже не приближался к Майре. С тех пор Майра жила одна с детьми и не имела мужчины.

У нее уже не хватало молока для обоих младенцев. Она пробовала отлучать их от груди, но пищи тоже не хватало. Ее дети были самые голодные и неугомонные во всем стойбище. И теперь они теребили мать за пояс, справа и слева, и неотступно кричали «Дай, дай!..»

— Где я возьму? — кричала несчастная Майра.

— Дай!..

Дети карабкались на колени и тянулись к груди матери.

— Нету! — кричала Майра. — Отстаньте!

— Леший, — прибавляла она с угрозой, — возьми этих мальчиков. Они еду просят.

— Зачем родила двоих? — насмешливо сказала соседка Аса-Без-Зуба.

Она сидела на корточках у своего костра, закутав спину вытертой шкурой оленя. Соседки накануне поссорились из-за деревянного приспособления для вытирания огня. Женщины Анаков отличались в зрелом возрасте вспыльчивым и неукротимым нравом. Никакие бедствия или лишения не смягчали их охоты к ссорам.

Майра молчала. Она сделала вид, что не слышала слов соседки.

— Один от человека, другой от дьявола, — сказала Аса.

Двойни были редки в племени Анаков и, как все необычное, вызывали враждебное чувство.

— Оставь, — сказала старая Лото, которая сидела у того же огня и грела руки. — Лисица четырех приносит, и все настоящие...

Лиас залез на колени к матери и добрался-таки до ее груди. Он потянул губами сосок, но грудь была пуста, как опорожненный мешок.

Мальчик в ярости укусил зубами сосок. Майра взвизгнула от боли и одним движением отбросила сына в сторону. На грязной коже ее обвислой груди показалась рубиновая капля, медленно налилась и упала вниз, как кровавая слеза.

— Зарежу! — крикнула Майра. Но мальчик

быстро пополз в сторону на четвереньках, как молодой лисенок. Он остановился на порядочном расстоянии и смотрел на мать тем же блестящим голодным взглядом.

Литта Златогривая сидела поодаль, не разводя огня. Она подостлала под себя свой меховой плащ, а ее золотистые волосы рассыпались по голым плечам и грели не хуже плаща.

Она сидела, уткнувшись локтями в колени, и пела монотонным напевом старую песню о золотых яблоках. Это была любимая песня женщин. Молодые девушки часто пели ее во время голода. Мужчины во время голода мечтали о мясе, свирепо и молча, как дикие звери. Женщины же охотнее вспоминали о ягодах, орехах и плодах, даже о таких, каких никогда не бывало в соседних лесах.

Золотые яблоки тоже не рождались в стране Анаков. По преданию, эти яблоки росли в счастливой стране Вияр, откуда пришли первые божественные люди, породившие племя Анаков.

Литта качалась, как пьяная, и пела тонким однообразным напевом:

Я была в золотом лесу.
Я рвала золотые яблоки.
Сочные яблоки...
Одно яблоко я взяла себе,
Другое отдала своему другу,

Сочные яблоки...

Винда и Рея-Волчица, две молодые матери-сестры, сидели в стороне вместе со своими младенцами. У них тоже пропало молоко в грудях, и они поили младенцев белым раствором «земляного жира» в воде. Это была съедобная глина, мягкая, белая и жирная на ощупь. В голодные дни дети Анаков поедали ее горстями. Они белели от нее, как будто посыпанные пеплом; щеки и грудь покрывались мучнистыми пятнами, глаза мутнели и теряли блеск. Анаки говорили, что дети от «земляного жира» линяют, как тощая рыба.

Но в этой местности был редок даже съедобный жир земли. Его приносили с юга за полдня ходьбы. Там наплывал он белыми пятнами в горном ручье из-под нависшей полуразрушенной скалы.

Девочки-подростки копошились целой стаей у большого костра. Они были заняты важным делом: варили толкушу из древесной заболони. Дело это было медленное и трудное. Им распорядились три подруги: Яррия, Ронта и Илеиль. Они были однолетки и в ближайшую осень должны были подвергнуться обряду благословения чрева, который для женщин соответствовал мужскому обряду посвящения и составлял признание брачной зрелости.

Впрочем, в настоящее время их фигуры не имели никаких признаков зрелости. У них были тощие плечи, костлявые спины. Они отличались от мальчиков только гривой спутанных длинных волос, висевших по плечам. У Яррии были черные волосы, у Илеиль каштановые, у Ронты золотистые, почти такие же, как у Литты златогривой. Все девочки были наги. Они должны были получить меховой плащ только осенью, как первый подарок возлюбленного.

Больше всех хлопотала Яррия. Она отдавала приказания направо и налево:

— Девки, торопитесь... Милка, дров тащи!.. Скорее!..

Милка, совсем маленькая смуглая девочка, топталась у костра и плакала от голода и нетерпения. Но при этом окрике она поспешно утерла слезы и побежала в лес.

— Элла где? — спрашивала Яррия вдогонку.

— Сестра? — переспросила Милка. — Под деревом сидит, — прибавила она на бегу. — Злая, страсть. Я ее позвала: «Пойдем к девкам», а она схватила полено...

— Девки, торопитесь, — крикнула Милка в свою очередь. — Дров тащите!.. Скорее!..

Она повторила окрик Яррии точно таким же повелительным тоном, потом побежала вприпрыжку по узкой тропинке вниз за своими

подругами. Иные из них уже возвращались к огнищу с охапками хвороста. И, несмотря на голод и слезы, им было весело. Вся эта затея походила на игру, и трудно было разобрать, настоящая она или не настоящая.

Ронта утвердила на земле странный сосуд, до половины налитый водою. Он держался на четырех палках, крепко врытых в землю и поддетых под его края. В сущности это был не сосуд, а мешок, сплетенный из корней. Но плетенка была такая частая и ровная, что вода держалась, и ни капли не вытекало.

С десятков девочек сидели на корточках и скоблили заболонь. Она была двух сортов: тополевая со стволов и ивовая с корней. Топлевая была надрана длинными белыми лентами и лежала на земле, собранная в кучу. Ивовая была разбросана кругом узкими спиральными завитками, похожими на змей или на крупных червей.

Яррия разрыла длинной палкой красные уголья. Под грудой жара лежали круглые камни, которые собственно и служили для варки. Ловко действуя двумя палками, как будто щипцами, Яррия доставала камни из костра и опускала их в котел. Вода скоро согрелась и задымилась от легкого пара. Потом стали выделяться крупные пузырьки, возвещавшие о близком кипении.

Ронта сидела, обхватив руками колени, и

смотрела в огонь. Девочки с жадными лицами стояли кругом костра и дожидались, чтобы варево поспело.

Старших мальчиков не было в лагере. Они проводили целый день в лесу, рыскали взад-вперед, искали добычи.

Только горбатый Дило остался дома. Ноги у него были кривые, и он так ослабел от голода, что не мог бы угнаться за другими товарищами. Но утром, когда они уходили, он тоже ушел от костра сестры своей Пенны, по прозвищу Левша, и забрался в густой куст ольховника. Там, лежа на мху, он мало-помалу объедал горькие почки, как заяц.

Однако теплый смолистый запах толкуши дошел и до куста, забрался внутрь и стал щекотать ноздри Дило. И скоро он не смог удержаться, вылез из своего убежища и стал понемногу приближаться к костру девочек.

Илеиль в последний раз попробовала древесную похлебку.

— Готово, — сказала она. — Жрите, шакалки!..

Девочки бросились к плетенному котлу и стали засовывать в горячую воду свои грязные руки. Они обжигались и отскакивали назад, потом опять совали в котел руки и даже носы. Они, действительно, напоминали шакалов, которые в то

время ходили следом за человеческими ордами и при удобном случае готовы были сунуть нос в горшок и даже в огонь. Люди то били их, то относились к ним благодушно и даже бросали им негодные куски.

Дило совсем приблизился к костру. Он тоже походил на шакала больного и хромого. Милка, жадно поедавшая свою порцию, посмотрела на него и вдруг фыркнула от смеха. Она разбрызгала горячую жидкость во все стороны и чуть не подавилась, но потом справилась и промычала с полным ртом: «Мм... лягушонок!»

— Дайте мне тоже, — сказал Дило, протягивая руку.

Милка уже облизывала свои липкие пальцы.

— И девочкам не хватит, — сказала она. — Ты мальчик, иди птиц ловить.

— Чем же я мальчик? — жалобно сказал Горбун. — Я тоже девочка.

— Как девочка?! — хором запротестовала вся девичья гурьба.

— Если я сижу дома, то, значит, я девочка, — сказал Дило в виде аргумента.

— Врешь, — сказала Милка. — У тебя и нос не такой, — прибавила она со смехом.

— Яррия, — громко позвал Горбун, — дай мне хоть одну стружку!.. Яррия не отвечала. Она скоблила ногтями внутренность плетеного котла.

Твердые ногти звенели, как железо.

— Яррий кормил меня, — сказал Дило и вдруг заплакал. Плач его был, как кашель. Он прикрывал горстью рот и нос и лаял в ладонь странными звуками, как будто захлебываясь.

Яррий был брат Яррии. После минувшей зимы он перешел в мужскую орду вместе с тремя другими отроками и сейчас ожидал посвящения. Он был старше Яррии, но женская зрелость наступала раньше, чем мужская. Брат и сестра должны были пройти очистительные обряды в одно и то же время, после великих охот, перед осенним праздником солнца. Среди подростков Яррий славился охотничьей удачей, и даже имя у него было Яррий Ловец. В самое трудное время он всегда приносил что-нибудь — кролика или сову, связку рыб, пойманных острым шипом уды в водах Даданы, змею, сурка. Яррий Ловец в голодную вешнюю пору кормил Горбуна. В сытные летние дни Дило, несмотря на кривые ноги, не отставал от товарища. Они переходили с поля на поле, от перелеска к другому перелеску в поисках добычи.

Дило, несмотря на свое уродство, был мастер на все руки. Он плел из крапивы частые сети для ловли золотоперок в ручьях, делал дудочки из тростника и выманивал, подсвистывая на этой первобытной свирели, робких пищух из нор в песке. Он умел также рассказывать длинные сказки,

которые никогда не кончались и переплетались, как кружево: то уходили на небо к Отцу и его звездному племени, то спускались в подземные пещеры, где таился после ущерба луны страшный бог, Лунный Дракон, или убегали в далекие степи, туда, где живут странные боги Молокоеды, у которых лица людские, а копыта конские. Они скачут повсюду вслед за стадами скота и, дивное дело, сосут молоко, как телята.

— Яррий кормил меня, — повторил Дило упавшим голосом.

Ронта поспешно вынула изо рта собственную жвачку и сжала ее в горсти. Это был ее последний глоток.

— Иди, — сказала она мальчику, — во имя Яррия...

Дило быстро подполз, положил ей голову на колени, закрыл глаза и открыл рот. И она вложила ему свой кусок, как матка баклана вкладывает жвачку голодному птенцу. Она отдала ему не только собственную пищу, но соки собственного рта. Мальчик удержал ее руку и стал тщательно облизывать ладонь. Он не желал терять ни единой питательной капли, или, быть может, благодарил ее, как благодарят ручные звери за ласку.

На другом конце лагеря собрались младшие мальчики, которые были слишком малы для лесного промысла. Но даже эти малыши были

настроены более хищно, чем девочки. Они обступили со всех сторон своего товарища Рума.

— Дай! — кричали они сердито и назойливо. В голодные дни этот детский крик раздавался на стойбище с утра до вечера.

— Дай! — кричали мальчики и наступали на Рума.

Рум прижимал к груди желтоватого щеночка шакальской породы. У щеночка была острая мордочка, и черные глазки его бегали по сторонам. Он, по-видимому, хорошо сознавал опасность своего положения.

Дети нередко подбирали и выкармливали щенят, лисенят, молодых зайчат, даже воронят и гусенят, но все эти питомцы быстро вырастали и уходили на волю или попадали под нож. Держать взрослых зверей в полуголодном лагере было бы слишком накладно.

Но шакалий щеночек Рума был особенный. Он совсем не рос. Уже два раза он зимовал в лагере и остался таким же, как прежде.

В сущности, это был не щенок, а взрослый шакал-карлик. Он был совсем ручной и никуда не хотел уходить: должно быть, понимал, что слишком мал и незащищен, чтобы жить на воле. Его могли бы съесть собственные, более крупные братья. Зато Рум очень любил его и называл тоже Румом. Они спали вместе, и мальчик делил с ним последний

кусок. И даже в эти голодные дни ребра младшего Рума-шакала выдавались меньше, чем у его двуногого тезки.

— Дай! — кричали малыши. — Убьем!..

Они хотели съесть четвероногого Рума. По закону Анаков, в голодные дни никакая живность в лагере или вне его не избавлялась от ножа, даже рогатые змеи, которые в обычное время считались священными и получали жертвы.

Лиас и Антек тоже были здесь. Они бросили мать, от которой ничем нельзя было поживиться, и вместе с другими наступали на обоих Румов.

— Дай! — кричал Лиас.

Он схватил камешек и бросил его в голову Старшему Руму. Но рука Лиаса была еще не верна. Камень попал в голову Руму Младшему, желтоватому шакалу. Шакал жалобно взвизгнул. Рум старший тоже взвизгнул. Потом глаза его загорелись зеленым светом, как у рыси. Он бросил на землю своего мохнатого друга, схватил из костра головню и кинулся на обидчика.

Зубы его оскалились, спутанные волосы на голове встали дыбом. Озадаченные мальчишки отступили. Рум швырнул головню, подхватил шакала на руки и бросился вон из лагеря по тропинке, ведущей в лес.

Мальчишки тотчас же опомнились и бросились было вслед за ним с гиканьем и свистом, но в это

время на тропинке показалась новая фигура. Это была высокая девушка, темноволосая, в плаще из волчьей шкуры. Она шла, опираясь на длинное копьё, и несла на плече большую бурую птицу, крылья которой волочились по земле. В руке она держала светло-серого зайца. Это была Высокая Дина, охотница женского лагеря. Она принесла соплеменницам охотничью добычу.

Младшие мальчики обступили охотницу, дергали ее за плащ, хватали за перья орла. Девочки тоже сбежались со всех сторон, как белки.

— У орла отняла, — сказала Илеиль, указывая на зайца. Его левый бок был наполовину истерзан чьими-то глубокими и острыми когтями.

— И орла принесла, — сказала Яррия с явным восхищением. — Этого и Яррий не сможет, — прибавила она, подмигивая Ронте. — Чем ты его убила, Дина?

— Плоским деревом, — сказала охотница, указывая на свой пояс. За поясом было заткнуто изогнутое орудие из легкого и твердого дерева. Охотники Анаков метали его в воздух, убивая летевших мимо птиц. Но подбить этим куском дерева огромного орла да еще с добычей, — таким броском мог похвалиться не каждый охотник.

Охотница Дина не была похожа на других женщин племени. Начать с того, что она до сих пор не выбрала себе мужа, хотя уже три осени тому

назад женщины благословили ее на брак. Она не уклонялась от праздника и плясала вместе со всеми кругом травяного колеса, пела и ела с мужчинами, но ни один не мог похвалиться тем, что осуществил над ней пылкое обещание брачного гимна:

Я сожму твои груди,
Как спелые ягоды.

Дина была очень красива. Ее зрелая красота затмевала младших подруг и рядом с женами соблазняла, как невиданный плод. Тело у нее было гладкое, без единой складки. И груди были, как те золотые яблоки, о которых пела старинная песня.

Мужчины сражались за Дину, раздирали друг друга когтями, как дикие звери, но в последнюю минуту она уклонялась и убегала со смехом.

Дина жила по-своему и от мужчин ничего не принимала ни в дар, ни в обмен. Каждую осень ей предлагали лучшие шкуры на плащ, но она отвергала их с презрением, не желая платить любовью. И все же, противно обычаю, неприступная дева носила пышный плащ новобрачной. Этот плащ не был принят из рук мужчины. Дина добыла его минувшей зимою собственным копьем и содрала собственным ножом с еще трепетавшего тела матерого волка.

Такова была охотница Дина, ненавистница

мужей.

Она остановилась у первого костра и сбросила на землю свою двойную добычу.

— Ого! — крикнула она звучным голосом. — Малых кормить...

Дина ненавидела мужчин, но очень любила детей. Она свято соблюдала древний обычай, который повелевает в голодные дни отдавать первую добычу малышам, кроме охотничьей доли; вторую — беременным женам и матерям с грудными младенцами; третью — подросткам, и только четвертую — взрослым. Она сама кормила ребятишек и часто отказывалась в их пользу от своей законной охотничьей доли.

— Сюда, сюда, сюда! — кликала Дина. И на этот зов малые дети покидали матерей и шли переваливаясь, ползли на четвереньках и собирались у ее ног, как муравьи у муравейника.

— Гули, гули, гули... — ласково звала Дина, как будто ворковала. Дети теснились кругом нее и тоже ворковали, как дикие голуби.

Девочки, не теряя времени, стали теревить орла. Дина схватила зайца и искусной рукой в два-три приема содрала с него шкуру.

Она прикинула на руке кровавую тушку. Заяц был старый и жирный.

— Сырое мясо, — сказала она весело. Есть сырое мясо считалось мужской привычкой.

Женский лагерь варил свою пищу и часто в разговорах даже назывался «лагерем горшка». Но Дина и на этот раз желала переставить установленный обычай.

— Сюда, сюда, сюда, — ласково пела она. — Гули, гули, гули...

Своим острым ножом из редкого прозрачного камня она отрезала мелкие кусочки заячьего мяса, скоблила кости, обдираала жилы. Дети хватали ее за руки, жались к ее ногам и пищали, как галчата. Она вкладывала крошечные порции в широко разинутые рты. Дети глотали, и жевали, и сосали, кто как умел, и давились от жадности, и подбегали снова.

В самый разгар этой суеты рядом с лагерем, в лощине раздался свист. Женщины вскочили и прислушались. Свист был резкий, мужской. Он повторился еще раз с особым переливом, потом еще раз. Свист этот говорил ясно, как будто словами: «Мясо, свежее мясо».

Воины Анаков часто приносили женщинам куски мяса и целые туши зверей. Но, по обычаю, они должны были оставлять их поодаль и извещать женщин пронзительным свистом о своем приношении.

— Это Юн свищет! — крикнула Юна. — Это его голос.

Подруга Черного Юна была высокая, с широкими бедрами и, несмотря на голод, ее нельзя

было назвать худой. И молока у нее в грудях было много. Оттого ее младенец был гладкий и тяжелый. Но в эту минуту она не думала о младенце; она сунула его в чьи-то услужливо подставленные руки, и опрометью бросилась из лощины по тропинке, ведущей налево. Она мчалась, как ветер, и через две минуты уже была наверху. Перед нею открылась широкая поляна. С подветренной стороны до нее донесся запах свежего мяса, и ноздри ее раздулись. Но в эту минуту ею овладела другая страсть, более могучая, чем голод. Теплые лучи весны, заливавшие зеленую землю, показались ей лучами брачной осени; перед ее глазами как будто мелькнуло огненное колесо и пляска брачного хоровода.

Теленок лежал под деревом во мху. Возле него была воткнута ветка с пучком травы, привязанным к верхушке. Но Юна не смотрела на теленка; она ловила глазами белое пятно, мелькавшее вдали за поляной среди частых стволов кленового и букового леса. Это было все, что она могла видеть от своего мужа Юна, который быстро убегал, согласно закону Анаков. Юна протянула руки. В ушах ее звучал припев брачного гимна: «Солнце, жги!»

Потом она опомнилась и быстро закрыла глаза. Перед началом оленьей охоты даже далекий женский взгляд мог осквернить охотника и

приманить неудачу — маленького серого чертенка, который любит вертеться вокруг людских становищ, катается серым клубком по охотничьим тропам и попадает по ноги; вырывается из-под самой подошвы камешком или хрустит сучком и спугивает добычу. Думать о нем нельзя. Только подумаешь, а он уже тут, и дразнится, и бегаёт кругом.

Юна сотворила заклинание и обернулась к оленю. Ее первое чувство погасло. Теперь была не осень, а весна — время голода и свежей добычи. Женщины ждут внизу. Они будут есть мясо. Она тоже будет есть по праву, вместе с другими.

Юна тряхнула головой, своими крепкими руками схватила теленка за ноги и вскинула на спину. Потом твердыми шагами стала быстро спускаться обратно в лагерь.

Женщины уже собрались внизу, готовые к разделу добычи.

Здесь были матери, костлявые, как смерть, истощенные двойным бременем: голода и кормления младенцев. Кожа на их животе и боках висела бурыми складками, даже волосы у них стали тусклые и шершавые от голода. Еще страшнее были беременные жены. Они должны были родить через месяц и таскали в своем чреве уже зрелых младенцев, и вся сила и сок их тела ушли на детей. Спина и ноги были как будто подпорки из кости,

обтянутые замшей, для этого безобразного отвислого мешка.

— Кто будет делить? — спросила Юна, сбрасывая теленка на землю.

— Лото пусть делит, — заговорили женщины, — старуха пусть делит.

Лото считалась самой справедливой старухой всего племени, и ей надлежало делить первую добычу. Она вынула нож из черного камня, широкий, обоюдоострый, сжала его в руке и быстрым взглядом окинула всех участниц дележа. Их было девятнадцать: семь беременных и двенадцать детных. Майра тоже хотела замешаться в их число, но они отогнали ее в сторону. Дети у нее были большие, и в эту весну она должна была окончательно отлучить их от груди.

— Оставьте! — строго сказала Лото. — Майра, иди!.. Будет как раз четыре руки.

Анаки вели счет по пальцам рук. «Четыре руки» означало четыре пятка, то есть двадцать.

Опытным глазом старая Лото прикинула размеры туши.

— Будет всем по куску, — решила она, — а кости в котел.

Двадцать услужливых рук уже ободрали кожу с телячьей туши. Она лежала на земле, вся красная, с ног до головы. Только копыта и ноздри были черные. И белки глаз резко выступали из орбит.

Этими белыми глазами красная тушка тускло глядела на окружавших ее женщин.

— Посматривает, — хихикнула Исса, другая старуха, за плечами делильщицы.

Исса была колдунья ночная, подобная Юну, и соседки ее боялись. Она была совсем сгорбленная и ходила, опираясь на посох. Женщины удивлялись, как держится дух в этом дряхлом теле. Они говорили, что Исса-колдунья каждый раз откупается от дьявола смерти чужими головами. Два раза ее принимались убивать. Но оба раза она успевала вырваться и убежать в лес. Дня через три она возвращалась, как ни в чем не бывало. И племя принимало ее без ропота и оставляло в покое. Она была искусница на две стороны: могла приманить дичь и отогнать ее, дать здоровье или скормить его дьяволу смерти, перевести любовь с женщины на женщину и с мужчины на мужчину.

Исса-колдунья тоже часто делила мясо между женщинами, особенно жертвенное. Она стояла сзади Лото и злыми глазами смотрела на теленка. Ее мучила зависть. Запах крови щекотал ей ноздри.

— Смотрит, Дранный, — сказала Исса злорадно.

В толпе женщин послышался ропот. С драным оленем была связана зловещая охотничья легенда. Она говорила, что Анаки, много лет тому назад, однажды захватили на реке такое огромное стадо,

что насытились убийством и опустили копья; но олени все шли. Тогда охотники поймали живого оленя, ободрали с него кожу и в таком виде отпустили его на волю.

С тех пор ободранный олень привязался к племени Анаков. Он ходит вслед за ними, является им на стойбище и во время охоты и жаждет мести.

Лото подняла нож вверх и молча показала его Иссе.

На плече у черной колдуньи был глубокий шрам от старого, зажившего пореза. Говорили, что этот порез сделан именно черным ножом старухи Лото, хотя и не ее рукой.

С тех пор прошло много лет, но Исса не забыла. Она отступила и затряслась. Нижняя челюсть ее отвисла. Она отвернулась в сторону и забормотала что-то непонятное, как бормочут колдуньи во время гаданий. Не то она бранилась, не то жаловалась неведомо кому.

Винда и Рея-Волчица первые схватили по куску и побежали в сторону. Уже на ходу они торопливо жевали и совали жвачку своим младенцам. Младенцы захлебывались, и их беззубые рты окрасились розовым соком, и сами они как будто уже порозовели от одного появления спасительной еды.

Лото резала и раздавала и отсчитывала на пальцах. На третьем пальце второй руки у нее

засосало под сердцем. Во все эти дни голод мало мучил ее жилистое тело, но теперь теплый пар свежего мяса растравил ее. Руки ее были в крови по локоть. Но Исса стояла за ее спиной, и она мужественно воздерживалась даже от того, чтобы облизать свой нож.

— Берите, — говорила она и совала куски. — Девки, ставьте котел.

Илеиль и Яррия давно приготовили мясной котел. Он был сделан иначе, чем первый, сплетен из прутьев и обмазан слоем глины. Этот котел ставили прямо к огню. С ним следовало быть очень осторожным, ибо глина трескалась и бульон выливался в огонь.

— Берите, — машинально повторяла Лото и резала ножом. Глаза ее плохо видели, голова кружилась. Ее тошнило от голода.

— Пятый палец четвертой руки.

Это была Майра, двадцатая. Лото двинула ножом с последней энергией и глубоко порезала собственный палец обратной стороной лезвия.

Она крикнула от неожиданности, и, будто эхо, отозвался злорадный смех Иссы, стоявшей сзади.

— На две стороны, — громко сказала Исса.

Черный нож мог резать на две стороны. У всего на свете есть две стороны...

Но Лото не слушала. Она бросила нож в сторону и поднесла палец ко рту. Лизнула, ощутила

знакомый сладкий вкус. Но это была ее собственная старая кровь, а не оленья, уже застывшая.

В глазах у нее стало красно, будто красная река разлилась перед ней. В ушах зазвенело. Это река звенела о камни. Камни были, как острые ножи. Они резали тело и все были испачканы красным.

Лото, делильщица мяса, упала без чувств на грудь оленьих костей, ни разу не нарушив своего долга перед племенем.

Глава 3

Юн Черный вернулся к Лысому Мысу не той дорогой, что прежде. Он спустился на самый берег реки и пробирался вперед, прячась под нависшими ярами и переползая в траве. Олени могли спуститься в это самое утро, и нужно было удвоить осторожность.

И действительно, когда он добрался до последнего поворота и увидел Лысый Мыс, то различил на его желтых откосах большое пятно, темное, движущееся. Это были олени. Они построились клином и уже входили в воду. Юну показалось, что в острее клина мелькает белое пятнышко.

«Белая телка», — подумал Юн, потом припал к земле и застыл, не шевеля ни одним членом.

Оленье стадо, действительно, спускалось к реке и собиралось плыть через волны Даданы на северный берег.

Олени шли, не торопясь, только копыта постукивали, задевая друг за друга, да тонкие рога поднимались над берегом сажень на сто в ширь, как сухие сучья.

Впереди шли два передовых. Это были самки, молодые, бездетные. Они осторожно ступали, поворачивая во все стороны свою стройную головку и поводя большими черными пугливыми глазами. Но ничего опасного не было видно. Лагерь Анаков как будто провалился сквозь землю, даже трава на лужайке не была примята.

Внизу, на изгибе плеса, зеленели тростники, но и там все казалось безопасным, ибо их гибкие верхушки не шевелились ни от чьих предательских движений.

Передовая самка в последний раз потянула воздух своими тонко вырезанными ноздрями, фыркнула, решительно вошла в воду, сделала шаг, другой и поплыла наперерез течению. Через десять минут все стадо уже отделилось от берега и колыхалось в зыбких волнах Даданы.

Берег остался сзади, и волны Даданы стали сносить их вниз по течению. Но впереди показался другой берег, низкий и ровный, весь синий и смутный. Он проходил мимо вдали, как будто тихо

скользил по воде, в обратную сторону, против течения Даданы.

Внезапно сзади раздались громкие, страшные звуки, гиканье и будто вой и свирепое тявканье. Были ли это серые волки или желтые шакалы, или самые страшные из всех, высокие, белые, коварные враги с одним длинным когтем, прилетающим по ветру? Олени не разбирали. Они, не оглядываясь, слепо, изо всей силы перебирали ногами. Глаза у них выкатывались из орбит. Голова по привычке откидывалась назад, как на быстром бегу. Им казалось, будто они мчатся во всю прыть по этой предательской воде, но быстрые волны мешали им и сносили их вниз.

Сзади не было ни волков, ни шакалов, — были только Анаки. Они выскочили из тростников с гиканьем и воем в своих легких берестяных челнах и мчались по воде, загребая воду длинными двухлопастными веслами то слева, то справа. Весла гнулись; челноки то зарывались в воду, то почти совсем выскакивали вон, как играющие рыбы. Анаки гребли изо всех сил, нагибаясь вперед, и дыхание их вырывалось коротко и со свистом.

Здесь были самые лучшие, сильные, смелые охотники. Старики и подростки остались на берегу и бежали по песку, потрясая копьями. Они продолжали выть по-волчьи и лаять по-шакальи, чтобы отогнать оленей от берега и помешать им

вернуться обратно.

Шакалы, впрочем, тоже были здесь. Их небольшие фигурки высыпали далеко от людей, почти у того места, где прятался Юн. Они бежали у самой воды вниз по течению, поводя беспокойно острыми мордами и следя глазами за стадом и охотниками. Они рассчитывали расстояние, чтобы встретить каждого беглеца, который рискнул бы вернуться на берег.

Юн Черный не стал рассматривать дальше. При первом охотничьем крике, долетевшем от Лысого Мыса, в его душе что-то зажглось и вырвалось наружу. Стиснув зубы, не помня сам себя, он бросился вперед, направляясь к заветным тростникам. Его челнок был колдовской, с лицом двузубого беса на остром носу, искусно загнутом кверху. Копье у него было с красными кистями. И оттого их не тронул ни один слишком ретивый охотник из пешего отряда.

Юн толкнул челнок ногой, прыгнул на ходу и погреб вперед. Охотники гнались за стадом, он гнался за охотниками.

Люди уже нагоняли. Они развернулись веером, заходя с левой стороны и стараясь отрезать у стада «нижнюю воду». Юн взял ниже всех и очутился на крайнем фланге. Он замыкал дугу развернутого веера.

Минуто или две люди и олени плыли

параллельно. И вдруг грянула песня, бодрая песня весенней охоты:

Серые жены, сдавайтесь,
Мы возьмем вашу плоть...

— Возьмем, возьмем! — гремел оглушительный хор. И под эти оглушительные звуки конец веера загнулся и встал поперек оленьего пути. Стадо смешалось, остановилось и превратилось в беспорядочную кучу.

Теперь люди и олени стояли друг против друга и смотрели друг на друга. Но люди слегка подгребали своими длинными веслами против течения. Олени, сидевшие в воде по шею, были беспомощны. Волны Даданы неудержимо сносили их вниз, прямо на охотников.

Юн быстрым взглядом осмотрел товарищей. Тут были все: Альф Быстроногий, Лиас, искусный в метании копья, Санг — Птичий Коготь, Мар Красивый и Несс, друзья-соперники; двое братьев Семов, одного звали Голодным, а другого Сытым; Илл Бородатый, самый рослый человек во всем племени. Лицо у него было красное, борода огненная. Оттого его звали также Илл — Красный Бык. Его челнок сидел в воде глубже других, зато лопасти весла у него были широкие, как в женских ладьях.

Охотники были совсем близко к оленям. Они ясно видели их крепкие груди с белым подгривком, точеные головы, изящные рога и тонкие ноздри, часто дышащие от усталости. Олени глядели им в лицо дико и беспомощно.

«Красивые, — подумал Юн. — И жирные», — прибавил он мысленно.

И при этой мысли в его душе и даже во рту как будто что-то растопилось.

«Так растопился их жир от гонки», — подумал Юн.

Он все загребал вперед и заводил свой конец дуги кругом стада.

Его челнок уже развернулся носом к южному берегу. И вдруг он издал короткое восклицание. От южного берега выплывал еще челнок. Он плыл легко и стройно, так быстро и прямо, как будто катился по гладкому льду. Он описал вокруг стада такую же широкую дугу, как раньше Юн, и теперь подъезжал с другой стороны.

Охотники насторожились.

«Чужой», — подумал Юн. Но никто чужой не дерзнул бы вмешаться в охоту Анаков. Кроме того, чужих не было вблизи. Стойбища племени Селонов лежали за десять дней пути, на нижней оленьей тропе через реку Дадану.

Это, действительно, не был чужой. Это был Яррий.

«Непосвященный», — гневно подумал Юн.

Яррий еще не прошел обряда посвящения и потому не имел права выплывать на реку и участвовать в охоте.

«Испортит охоту», — сердито подумал Юн.

Яррий, однако, был далек от того, чтобы испортить охоту. Челнок у него был новый, из желтого луба, очень длинный и узкий. Свежий луб поблескивал на солнце, как золото. И при каждом ударе двойного весла челнок прыгал вперед, как будто кузнечик. Яррий скоро подъехал, обогнул Юна и стал левее, немного поодаль. Теперь он замыкал дугу веера. Он взял весло в левую руку, а правой стал снимать копьё. Оно было очень длинное, под стать челноку, длиннее, чем у всех охотников племени.

«Ишь какое копьё, — подумал Юн, — и когда он сделал?..» «Неблагодарное, — припомнил он тотчас же, — несчастье будет».

Впрочем, теперь не было времени раздумывать. Еще минута, и стадо могло разделиться на части и рассыпаться во все стороны. Тогда охота была бы труднее и менее успешна.

Альф Быстроногий решительно ударил веслом, протянул копьё и ткнул навесно в бок ближайшего оленя. Олень мотнул головой, отпрыгнул в сторону и стал биться, захлебываясь. Через минуту он опрокинулся боком и поплыл вниз

по течению, как кожаный мешок с мясом, унесенный с берега приливом.

Сердце у Юна екнуло. Олень повернулся на левый бок. Это была дурная примета. И вдруг он вспомнил свои вчерашние речи, буйные слова против скупости богов. Ему стало страшно.

«Дракон, не допусти», — помолился он мысленно. Он ободрял себя тем, что Дракон все-таки прислал оленей Анакам и, стало быть, не отверг предложенной жертвы.

— Не сердись, Дракон, — сказал он опять. — Воздам сторицею.

Илл бородатый выгреб вперед и заколол одного за другим матку и двух телят. Удары его весла были спокойные, длинные, ровные. И красное лицо его было тоже спокойно. С таким же точно лицом он, бывало, сбивал палкой осенние яблоки с яблонь, растущих в лесах у Кенайских пещер. И с таким же лицом убил ножом клыкастого вепря на узкой тропинке в густых тростниках по речке Калаве.

Мар Красивый подъехал к стаду вплотную и стал поражать оленей без разбора. Другие охотники держались на прежних местах и старались не давать стаду разбиться на части...

Яррий до сих пор держался поодаль. Он опасался ссоры с другими охотниками. Но теперь он поднял копьё и въехал внутрь стада. Олени

бились кругом и каждую минуту могли разбить или опрокинуть его челнок, но он смело вогнал нос челнока в самую гущу стада и втиснул его между двух оленей, плывших рядом. Олени раздалились как раз настолько, чтобы очистить место охотнику. Дальше отодвинуться им мешали другие. Дерзкий охотник поставил весло поперек челнока и даже положил его краями на спины оленей в виде баланса. Олени жмурились от ужаса, но не сопротивлялись. Теперь Яррий стал частью оленьего стада и плыл вместе с ним. Главная внутренняя масса стада даже сжалась теснее. Желтый челнок как будто служил ей центром и притягивал оленей к себе.

Об этом приеме рассказывали старики, но уже много лет никто из Анакских охотников не отваживался на такую дерзость. Для того, чтобы выполнить ее, нужно было иметь прежде всего легкое и тонкое тело, такое, чтобы челнок шел по самому верху и поворачивался быстро. Малейшая неловкость означала потопление челна и гибель охотника, ибо даже хорошему пловцу было бы почти невозможно выплыть на волю из этой массы сжатых тел и бьющих по воде копыт.

Зато теперь Яррий в своем челноке был хозяином стада. Он протянул через головы ближайших оленей свое длинное копьё и быстро закалывал одного за другим по большому кругу

вокруг своего челнока. Дальние олени не видели его и не знали, откуда приходит смерть. Он щадил ближайших, только обтачивал стадо на длину копья, как будто колесо. Заколотых уносило течение, другие олени приходили на их место. Река наполнилась трупами и окрасилась кровью. Наконец стадо дрогнуло и разбилось, сначала на две части, потом на четыре. Охотники тоже разбились, въехали внутрь, и началась бойня.

Цепочка мертвых туш плыла посередине реки. В дикой суматохе этой охоты только они одни были спокойны. Живые олени по большей части не думали о защите. Они покорно принимали удар и гибли молча, как гибнут рыбы, окруженные сетью. Матки протягивали голову перед телом телят, закрывали их собственной грудью и гибли вместе с ними. Только иные бычки помоложе давали отпор. Они оборачивались к челноку и бросались навстречу, прыгали на борт копытами и, наклонив голову, старались поразить охотника рогами в грудь. Но длинное весло давало людям слишком большое преимущество. Одним ударом они отгребали в сторону и подставляли нападавшему смертоносное острие.

Небольшая часть стада, штук в пятьдесят или немного больше, выбилась наружу из губительного круга и, не зная, что делать, повернула обратно к южному берегу. Люди, бежавшие по берегу,

удвоили крики, потом подняли копыта и дротики, готовые исполнить свою часть охоты. Иные из них даже забрались в реку и бежали, расплескивая воду ногами для того, чтобы встретить оленя как можно раньше, пока движения его еще связаны водой. И все береговые охотники: зрелые мужчины, и отроки, и старики громко повторяли песню, доносившуюся с реки:

Возьмем вашу плоть,
Возьмем вашу плоть!..

Шакалы тоже вернулись. Они бежали теперь вверх по течению, искоса поглядывая на копыта охотников и остерегаясь подходить слишком близко. Ибо даже в лучшем случае двуногие охотники и их четвероногие нахлебники хранили между собой вооруженный мир.

Олени приблизились к берегу, но, при виде охотников, повернули назад. Теперь они плыли вдоль берега вниз, и люди бежали по берегу параллельно с ними.

Место это было намного ниже Лысого Мыса. Здесь река Дадана делала поворот, и течение отбивало к противоположному берегу. Южный берег стал шире и выпустил длинную песчаную отмель далеко в реку, почти поперек течения. Олени плыли вперед прямо на конец отмели.

Теперь люди были сзади. Они прибавили ходу, но берег стал вязким и илистым.

Первый олень внезапно обмелел и достал ногами до дна. Седобородый старик, бежавший впереди с дротиком в руке, остановился и измерил глазами расстояние. Но олень был слишком далеко. В два прыжка он добрался до берега, перебежал на другую сторону косы, где почва была тверже, и ринулся вперед.

Один из шакалов, самый смелый или самый проворный тоже был впереди. Он сделал прыжок, но острое копыто оленя задело его по голове, и он отлетел в сторону. Олень, как буря, умчался вверх по косогору.

Старик посмотрел ему вслед и погрозил дротиком, но другие олени уже доплывали до берега. Они выбегали на землю, друг за другом, тремя серыми струями, и бросались напролом сквозь стену охотников. Люди поражали их дротиками и копьями, набрасывали им арканы на шею, хватали с берега камни и бросали им в голову.

Шакалы успели схватить злосчастного теленка, отбежавшего в сторону, потом еще другого. Они облепили их со всех сторон и рвали живьем на части, не думая о другой добыче.

Рул Отрок, товарищ Яррия, впопыхах не захватил ни копья, ни аркана. Не имея под руками оружия и не желая оставаться без добычи, он

бросился на оленя, пробежавшего мимо, и крепко схватил его руками за рога. Это была яловая самка, сильная, с ветвистыми рогами. Яловые самки оленьего стада были похожи на быков резвостью и силой. Анаки называли их Ялама мужеподобная.

Мужеподобная самка мотнула головой, но Рул держался крепко. Ялама закинула голову назад и побежала по косогору, увлекая за собою дерзкого охотника. И вслед за ними раздалось, как будто в напутствие:

Возьмем вашу плоть,
Возьмем вашу плоть!..

Рул попробовал задержаться ногами за землю, потом за дерево, но Ялама оторвала его без усилия и побежала дальше. Тело его волочилось и билось о кочки и о корни деревьев. К счастью, в этом месте деревья росли редко. В лесной чаще он изодрался бы на смерть или отпустил бы добычу.

Он крепко держался руками за рога и изо всех сил старался пригнуть голову Яламы вниз. Но она была сильнее. И, чувствуя, что добыча ускользает из его рук, Рул потянулся всем телом вперед, продвинул голову вниз под шею Яламы и впился зубами в ее напряженное горло. Ялама мотнула головой и остановилась. Рул висел на ее горле, как белый волк, стискивая зубы. Обеими руками он

тянул ее голову вниз за рога.

Ялама опять мотнула головой и встала на задние ноги. Ноги Рула тоже встали на землю. С минуту они боролись, потом Ялама ударила его передними копытами в грудь и подмяла под себя. Рул ударился головою о корень; в ушах у него зазвенело, искры посыпались из глаз. Но зубы его не разжимались. Их нельзя было бы разжать даже лезвием копья. Ялама зарыла голову вниз и ударила Рула рогами. Верхние отростки прошли над его головой, но нижний левый отросток, прямой и острый, как копье, вонзился в его плечо, прошел насквозь и воткнулся в землю.

Рул тихо застонал сквозь сжатые зубы, ударил ногами раз, другой, потом остался недвижим. Он потерял сознание. Ялама еще раз мотнула головой, как будто хотела вырвать горло и рог, но вместо этого колени ее подогнулись, она тяжело грянулась на землю и придавила Рула. Мертвое тело добычи лежало поверх омертвевшего тела охотника. Лицо его ушло в белый мех ее подгрудка, но руки соскользнули с рогов и как будто обнимали ее шею. Так они лежали, обнимаясь смертным объятием на зеленом мху приречного леса.

Юн Черный заколол уже многих, больше, чем по оленю на каждый палец его рук и ног. Его сердце и его копье напились первой крови. Теперь им было нужно другое. Он глядел по реке вправо и

влево, отыскивая белую телку.

Сначала он посмотрел среди трупов. Их было много, они проплывали мимо длинными рядами и цепями. Они были, как стадо, и дорога их шла прямо, как будто направлялась куда-то.

— К женам, рыба за рыбой, — сказал Юн. Он имел в виду, чтобы ни один олень не застрял на пути, но прошел до самого женского стана, без всякой задержки, как рыба.

После этого Юн посмотрел между живыми. Они были теперь рассеяны на огромном пространстве, группами и в одиночку. От берега до берега они наполняли все блестящее лоно широкой Даданы. Охотники шныряли между ними и кололи, кололи без конца.

На левой стороне, ближе к другому берегу, Юн наконец увидел белую телку. Она быстро уплывала, и вместе с нею плыла группа оленей, как будто верная свита.

Юн Черный изо всех сил погреб по тому направлению. Олени судорожно сторонились от него, но он не думал о них и не преследовал их. Только одна молодая самка не посторонилась. Быть может, она чересчур устала от бесконечной гонки. Она остановилась как раз на дороге Юна и посмотрела ему в лицо. Две крупные слезы выкатились из ее глаз и канули в реку. Юн Черный, почти не глядя, ткнул ее копьём в брюхо и поехал

дальше.

В это самое время Яррий заколол всех оленей по линии круга, до которых могло достать его длинное копьё. Группа, поддерживавшая его челнок, стала разбиваться.

Надо было выбираться на волю. Он схватил весло левой рукой, бесцеремонно уперся лопастью в голову левого оленя, одного из двух ближайших, дал сильный толчок назад и выскользнул на волю, как рыба из-под камня.

Он не стал убивать этих последних оленей из чувства благодарности, или, быть может, ему надоели простые олени. Он даже не посмотрел на них и, налегая на весло, погреб к противоположному берегу. Он тоже заметил странную белую телку. Она уходила налево, и ему захотелось овладеть этой редкой добычей.

Оба они, Юн и Яррий, мчались к последней группе оленей, как будто вразнос. Но Яррий был ближе. Он первый стал подъезжать к драгоценной добыче и уже положил правую руку на копьё. Олени плыли к берегу, тревожно оглядываясь. Только белая телка не оглядывалась. Он видел ее голову и начало спины. Она была снежно-белая, как лебедь, и даже рога у нее были белые, со странными розовыми жилками, как будто из мрамора.

— Не смей! — крикнул Юн сзади. — Не твоя!

Молодой охотник обернулся с удивлением и гневом.

«Сам хочешь?» — спросил он мысленно и смерил глазами фигуру колдуна. Сердце его сжалось от злобы и вместе от ревности.

Он скрипнул зубами и повернулся к добыче. Неожиданно от группы оленей отделился один, по рогам — молодой бык, с коричневой шерстью. Он мотнул головой, как будто бросил вызов, и решительно поплыл навстречу охотнику. Плыл он на редкость легко. Плечи его совсем выходили наружу. При каждом ударе сильных ног показывалась впадина спины и широкий круп, гладко-коричневый, блестящий от воды.

Яррий выгреб вперед и хотел ударить копьём, но олень сделал резкий прыжок в сторону. Все туловище его вышло из воды наружу, показались четыре ноги, и светлая полоска пространства блеснула под его брюхом. В ярком блеске полудня тело оленя казалось красным, почти кровавым. «Что он, ободранный, что ли?» — подумал Яррий.

Он вспомнил легенду о Драном Олене, но не ощутил ни страха, ни удивления. Впрочем, у него не было времени думать дальше. Его копьё попало в рога и сломалось пополам. Влажные белки сердитых глаз оленя мелькнули перед Яррием; передние ноги оленя упали на нос челнока и пробили его, как две острые секиры. Яррий выпустил весло и упал в воду,

нырнул, потом выплыл и, разводя руками, поплыл вперед, все-таки к белой телке. Обломки челнока и копы плавали на поверхности.

Теперь молодой охотник был в таких же условиях, как и его добыча. Но он плавал нисколько не хуже, чем звери. И, кроме того, он лучше их понимал, как надо держаться наперерез течения. Через минуту он уже заплыл в группу оленей, подплыл к белой телке и положил ей руку на шею.

Другие олени ринулись в стороны. Белая телка плыла вперед. Яррий плыл рядом с ней. Он не нанес ей удара. Вода кругом него окрасилась в розовый цвет, но это вытекала его собственная кровь. Ибо обломок копы в схватке с коричневым быком отскочил назад и ранил его в грудь. У него кружилась голова, ноги его помертвели и повисли бессильно. Но он крепко держался рукою за шею белой телки и вместе с нею подвигался к берегу.

Юн Черный тоже подъехал сзади, но слишком поздно, чтобы вмешаться в битву. Он мрачно посмотрел на эту странную группу. Белое тело Яррия точно сливалось с шерстью телки. Они плыли рядом к берегу, прижимаясь друг к другу, как брачная чета.

Гнев вспыхнул в сердце колдуна.

«Мальчишка, — подумал он, — хватает чужое».